

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ И ОН-НАЯ слава нашей областной драмы связана более всего с именем Николая Ивановича Соболящикова-Самарина.

Он приехал в Нижний Новгород в 1924 году, и одной из первых его забот было формирование труппы. Вобрав в себя блистательных мастеров, как З. Зорич, И. Слонов, В. Осведимский, А. Георгиевский, Г. Горелов, А. Хованский и другие, она к середине двадцатых годов становится одной из сильнейших в России.

Крупный художник и организатор Н. И. Соболяшков-Самарин обладал редкостным и безошибочным чутьем на людей одаренных и нужных именно его театру. В 1927 году он пригласил в Нижний знакомого по Киеву, тогда еще молодого актера, пожертвовавшего ради сцены карьерой медика, Николая Левкоева.

Поначалу он занял в театре, где легко было затеряться в созвездии окружающих талантов, довольно скромное положение. Но не прошло и года, как, с блеском сыграв несколько небольших ролей, он обратил на себя внимание публики и руководства и получил роль Перчихина в шедших с огромным успехом «Мещанах». С той поры он и стал одним из ведущих актеров театра.

И вот уже сорок лет он на его сцене... Вот уже сорок лет, продолжая игрой своей славной традиции русского сценического реализма, он претворяет в своей исполнительской практике заветы

КОГДА НЕ СНИТСЯ ПОКОЙ

той школы, из которой вышел.

Есть сценические образы, которые мелькнут перед глазами, как некие бесплотные тени, и, не коснувшись ни памяти, ни души, исчезают из вида, будто их и не было, будто мы с ними никогда не встречались. А есть такие, что живут, словно твои личные знакомые. Это — творения настоящего актера, и — спасибо ему! На творческом счету Левкоева их немало.

Если венцом режиссуры Соболящикова-Самарина по справедливости считают горьковских «Мещан», то в чудесном этом спектакле, от-

личавшемся удивительным актерским ансамблем, критика первый номер присудила левкоевскому Перчихину. Кому посчастливилось видеть этого лучащегося светлой, веселой душевностью и солнечным жизнерадием птичника, тот никогда его не забудет. Кажется, что актер сыграл роль, не для него написанную, а списанную с того, кого он увидел, подсмотрел где-то в жизни.

Следом за Перчихиным появились на горьковской сцене другие созданные Н. А. Левкоевым характеры. Разные, не похожие друг на

друга, они, тем не менее, роднились между собой одним — верностью действительности и — потому — убедительностью.

Кого бы Николай Александрович ни играл, беззлобного ли старика Левшина во «Врагах» или задыхающегося от злости и гнева Тучкова в «Обрыве», дипломатичного и верткого Достигаева в горьковской трилогии или прямолинейного мастера Забродина в «Ленинградском проспекте» И. Штока, он всякий раз неизменно шел к образу от жизни, от лично накопленных и очень точных наблюдений и впечатлений.

отношение к тому, что каждодневно дает жизнь, Левкоев стремится воспитать у многочисленных учеников. Но такое отношение немилосердно без воспитания другого чувства — чувства любви к жизни и человеку. А учить этому, пожалуй, труднее всего.

Ученики Н. А. Левкоева есть в любом горьковском театре, будь то драма или комедия, ТЮЗ или театр кукол. Они есть и в Москве, и в Ленинграде, и в других городах, которые можно назвать произвольно, наобум, без большого риска ошибиться, не угадать. И что удивительного, если почти полве-

лет после окончания курсов, но все-таки уяснилось!

У Левкоева много ученических писем. Как и все его бумаги, они разложены по папкам: порядок и аккуратность должны быть во всем! Николай Александрович может подолгу рассказывать о каждом из своих корреспондентов, и, кажется, что уважительное и часто любовное тепло их строк дает ему энергию и силы ходить на репетиции и играть в спектаклях, вести курс в театральном училище и изо дня в день заниматься нескончаемыми вэтовскими делами, которые, словно по раз и навсегда запущенному конвейеру, движутся к нему на квартиру. Двигутся по почтовым и телеграфным каналам, по телефонным проводам и, наконец, «пешим ходом» вместе с десятками людей, каждый день переступающих порог его дома.

Пробыть без малого четверть века на посту председателя правления Горьковского отделения ВТО — это, правда же, своего рода подвиг.

А ведь годы... Семьдесят пять... Кажется бы, покой сердце просит. И у персонального пенсионера, народного артиста республики, он мог бы быть этот благословенный покой. Мог бы. Но тогда не было бы того Левкоева, каким мы его знаем. В том, наверно, и секрет, что он и покой, он и бездеятельность — несовместимы. Больше того — враждебны они друг другу.

С. ФИХ.

ка отдану делу подготовки актерских кадров?

Сколько девочек и мальчиков за эти нескорые четыре десятка лет овладевали под его руководством секретами нелегкого актерского мастерства? Именно нелегкого! Нелегкого — вот любимое левкоевское слово, которое педагог не устал твердить своим воспитанникам, доводя их порой до отчаяния и обиды своей жесткой требовательностью и бескомпромиссностью.

Однако — на пользу! Пусть это уяснилось не всегда сразу, иногда — потом, иногда даже через несколько

«Для того, чтобы заниматься творчеством, нужно прежде всего воспитывать в себе умение видеть, наблюдать, то есть давать пищу для своего воображения». Это утверждение принадлежит Г. Товстоногову. Многократно повторяя эту прописную истину, он не боится, однако, упреков в консерватизме и неоригинальности. Да, ее твердили в один голос великие мастера. На этом сходились, что не мешало им в то же время расхождиться во многих других вопросах специфики актерского творчества.

Бережливо — внимательное

ДЕНЬ КОГДА СМЕЛА
 - 3 НОЯ 1966
 г. Алма-Ата